Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

О городских границах Ольвии Понтийской в архаическое время

Й. Форнасье, А. В. Буйских, А. Г. Кузьмищев¹

Аннотация. Изучение урбанистического развития античного города-колонии Ольвии Понтийской архаического периода с 2014 г. ведется в рамках совместного немецко-украинского проекта. Впечатляющее открытие ранее неисследованной фортификационной системы, незаметной на поверхности земли и поэтому неизвестной в течение длительного времени, позволяет предложить принципиально новую реконструкцию начального периода истории Ольвии. Результаты исследований однозначно свидетельствуют о том, что поселение с самого начала развивалось по тщательно продуманному плану, и опровергают принятую ранее концепцию о разделении на «основной город» и временное предместье.

Annotation. Since 2014 a German-Ukrainian cooperation project has been researching the urban development of the ancient colonial city of Olbia Pontike in the Archaic-Classical period. The spectacular localization of a hitherto unknown fortification system, which is not visible above ground and which therefore was unknown for a long time, makes it possible to reconstruct the history of Olbia's origins in a new light. The results clearly show that the settlement of Olbia was deliberately planned from the very beginning and that the previously assumed separation into a core town and a temporary suburb did not exist.

Ключевые слова: колонизация, Причерноморье, Ольвия Понтийская, градостроительство, фортификационная система, немецко-украинский исследовательский проект, геомагнитное исследование.

Keywords: colonization, Black Sea Area, Olbia Pontike, Urban development, fortification system, German-Ukrainian research project, geomagnetic prospection.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-88-99

До недавнего времени в исторических и археологических работах вопрос об урбанистическом развитии Ольвии в архаическую и классическую эпохи в общих чертах считался

решенным. В конце VII — начале VI в. до н. э. греческие колонисты основали новое поселение на берегу р. Гипанис (в настоящее время — Южный Буг), выбрав для него наиболее выгодный со стратегической точки зрения участок треугольной формы близ современного с. Парутино (см.: Буйских, 2013. С. 21–39; Fornasier, 2016. С. 34; Buijskikh, 2017. Р. 5; Fornasier et al., 2017a. С. 21; 2017b. С. 242–245). Эта центральная часть города, с востока ограниченная Гипанисом, а с севера и запада — естественными низинами и оврагами, с самого начала была структурирована распланированной системой дорог, различными

¹ Й. Форнасье — doctor of philosophy, a professor for Classic Archaeology; Goethe-Universität Frankfurt am Main, Institut für Archäologische Wissenschaften, Klassische Archäologie, Fach 7; Norbert-Wollheim-Platz 1, D-60323 Frankfurt am Main; e-mail: Fornasier@em.uni-frankfurt.de. А. В. Буйских — д-р ист. наук, ст. науч. сотрудник, зав. отделом античной археологии, Институт археологии НАН Украины; пр. Героев Сталинграда, д. 12, г. Киев, 04210, Украина; e-mail: allabuy@ukr.net. А. Г. Кузьмищев — канд. ист. наук, науч. сотрудник, Институт археологии НАН Украины; e-mail: a.kuzm@ukr.net.

сакральными зонами и участками, предназначенными для общественного пользования. Древнейшие жилые и хозяйственные постройки начального периода были частично или полностью заглублены в землю и использовались жителями Ольвии в течение времени, равного жизни примерно первых трех поколений. Такие жилища можно было быстро и легко построить, они служили достаточно надежной защитой от суровых погодных условий (см.: *Виноградов*, 2000а. С. 229 сл.; *Bujskikh*, 2017. Р. 5–8). Площадь этих прямоугольных или круглых в плане землянок в среднем достигала 8–15 кв. м. Вероятно, они имели скатные или остроконечные крыши, стены из сырцового кирпича и вместе с окружающими их структурами могли образовывать поселенческие блоки площадью до 45 кв. м (*Vinogradov, Kryžickij*, 1995. С. 30; *Fornasier et al.*, 2017а. С. 22 f.). В этой связи большая заслуга Ю. А. Виноградова заключается в том, что ему удалось показать, что фаза использования землянок на протяжении более чем 70–80-летнего периода времени была характерна не только для милетского города на Гипанисе; как отмечал юбиляр, эту фазу можно проследить и для многих других колоний Северного Причерноморья (*Виноградов*, 2000а. С. 231; 2000б. С. 19; *Vinogradov et al.*, 2003. Р. 809). И все же наибольшее количество подобных структур (около 500) зафиксировано в северо-западной части северного побережья Чёрного моря.

Недавние раскопки в Ольвии также показали, что эти землянки нельзя рассматривать как примитивные дома, так как они, по видимому, могли иметь различные архитектурные особенности (дифференцированную архитектуру) (*Буйских и др.*, в печати). Так, например, в 2019 г. в землянке на Юго-Западном участке Ольвии (объект П2) было впервые обнаружено большое количество сырцовых кирпичей, упавших внутрь после того, как землянка была оставлена; значительная их часть имела стандартные размеры — 52 см в длину (рис. 1). Кроме того, были зафиксированы сырцовые кирпичи, также имевшие стандартную длинную сторону в 35 см.

Во всяком случае они отчетливо видны на плане участка, где во время предшествующих раскопок был открыт жилой комплекс, при строительстве которого использовался ионийский фут, определенный А. фон Герканом (*v. Gerkan*, 1940. С. 149). И хотя позднее было высказано мнение, что фут, равный 34,8–34,9 см, для ионийской системы мер являлся «химерой» (*de Zwarte*, 1994. С. 115), можно по-прежнему считать, что, по крайней мере, этот тип кирпича уже несколько раз был опробован в Ольвии, и поэтому можно предположить использование стандартизированной системы мер в этом милетском городе-колонии.

Количественное и качественное расширение и развитие Ольвии в классическое время, в конечном счете, привело к увеличению площади урбанистического поселения, которое теперь было окружено мощной каменной городской стеной, в центральной его части — до 44–47 га, а также к изменениям в его архитектурном облике, для которого стали характерны наземные жилые дома (см.: *Крыжицкий*, 1986. С. 305; *Крыжицкий и др.*, 1999. С. 99; *Fornasier et al.*, 2017а. С. 24 f.). Геродот (IV, 78) писал и о предместье Ольвии, существование которого на участке к западу от города было подтверждено исследованиями Ю. И. Козуб в 1960–1970-х гг. (*Козуб*, 1979а. С. 316–325; 1979б. С. 3–34; *Папанова*, 2006. С. 62 сл.). На основании находок, обнаруженных в это время, Ю. И. Козуб предположила, что это так называемое предместье возникло в первой четверти V в. до н. э. и существовало на протяжении почти 100 лет, до первой четверти IV в. до н. э. (см.: *Форнасье и др.*, 2017. С. 33).

Недавно открытая оборонительная система в западной части Ольвии

Однако в ходе реализации совместного немецко-украинского проекта, в рамках которого работы в Ольвии идут с 2014 г., были получены новые результаты. Они подвергают серьезному сомнению подобную реконструкцию урбанистического развития Ольвии, так как идут вразрез со схемой развития города, которая, в основных своих

Рис. 1. Землянка (объект П2) в юго-западной части Ольвии

Fig. 1. Dugout (object P2) in the southwest of Olbia

чертах, до недавних пор считалась верной. Результаты новых раскопок, проведенных вдоль так называемой Западной дороги, показали, что в западной части Ольвии жилые и хозяйственные постройки уже существовали в архаическое время (Буйских и др., 2016. С. 50–54; Fornasier et al., 2017a. S. 40–42; 2017b. S. 248–256). Кроме того, следует отметить, что особенности открытых землянок, как и весь спектр находок, очень близки к тем, которые выявлены для землянок центральной части города, существовавших в то же время (как об этом уже писал С. Д. Крыжицкий: Крыжицкий, 1979. С. 121). Поэтому можно предположить с большой степенью вероятности, что Ольвия с самого начала была распланирована определенным образом, в соответствии с конкретным планом; а затем в течение длительного времени городская территория развивалась незначительно.

Этот тезис о крупномасштабном урбанистическом проекте развития Ольвии замечательно подтверждает выразительное местоположение неизвестной ранее фортификационной системы, объединяющей две части поселения (центральный город и предместье), которые до того рассматривались по отдельности в рамках городской планировки. Она незаметна над уровнем земли и потому долгое время оставалась неизвестной. Лишь масштабные геофизические исследования, проведенные в 2014 и 2017 гг. в западной части Ольвии, смогли выявить остатки системы «вал и ров» протяженностью более 480 м в длину, которые, несмотря на лакуны, позволяют реконструировать первоначальную линию обороны (рис. 2) (Буйских и др., 2016. С. 47 сл.; Patzelt et al., 2016. P. 3–6; Форнасье и др., 2017. С. 33 сл.; Fornasier et al., 2017a. S. 31–35; 2017b. S. 256–260; 2018. S. 77 f.). Южный конец системы «вал и ров» непосредственно «переходит» в балку, которая

Рис. 2. Реконструкция линии обороны в западной части Ольвии

Fig. 2. Reconstruction of the fortification line in the west of Olbia

круто спускается вниз на протяжении примерно 15 м к берегу реки, производя четкое впечатление единого функционального целого. Археологические раскопки, проведенные в 2016–2017 гг. на участке Некр-7, подтвердили существование здесь траншеи, средняя ширина которой составляет 5 м, а глубина — 2,10 м от древней дневной поверхности (и 2,48 м от современного уровня) (рис. 3), и вала, расположенного к востоку от нее и достигавшего 4 м в ширину; об их протяженности можно судить лишь по особенностям топографии участка — сохранившейся практически во всю длину впадине и вертикальному разрезу, сделанному нами (Буйских и др., 2019. С. 153 сл.).

Хронологические индикаторы для определения времени, в течение которого использовались эти укрепления, были получены в результате масштабных исследований

заполнения рва, которые дали в целом очень разнородную картину. Круг находок из нижних слоев заполнения, образованного желтоватым суглинком на дне траншеи, содержит множество керамического материала, относящегося ко времени начиная с первой/второй четверти V в. до н. э., что делает наиболее вероятным предположение о том, что укрепления были возведены именно в это время. Такое предположение прекрасно подтверждают находки фрагментов хиосских амфор типа П.3, которые датируются второй четвертью V в. до н. э. по Ю. Бырзеску (Birzescu, 2012. S. 76–77), что соответствует и типологии С. Ю. Монахова (тип III-B: Монахов, 2003. С. 17–18).

Стратиграфические же характеристики слоев заполнения траншеи, лежащих выше, показывают, что фортификационная система не могла существовать после середины/

Рис. 3. Южный разрез рва на участке Некр-7

Fig. 3. Southern profile of the ditch in the excavation area Nekr-7

начала второй половины IV в. до н. э. Таким образом, уже для первой половины столетия мы располагаем бесспорными свидетельствами последовательной засыпки. Однако для времени не позднее третьей четверти IV в. до н. э. зафиксированы мощные слои мусора с многочисленным надежно датированным материалом, и поэтому глубина траншеи того времени уменьшилась до 1,0–1,2 м.

Еще одним надежным показателем того, что оборонительные сооружения были заброшены не позднее второй половины IV в. до н. э., является находка человеческого скелета, обнаруженного лежащим вдоль внутренней стены рва в 30 см выше дна траншеи. Археологический контекст находки не позволяет интерпретировать ее как погребение, так как не были зафиксированы ни могильная яма, ни какие-либо предметы, которые можно было бы отнести к погребальному

инвентарю. Более того, скелет был найден лежащим в «неправильной» позе, свидетельствующей, скорее, о падении вниз вдоль покатой стены рва.

И, наконец, самые верхние слои заполнения (0–1,2 м) с комплексом чрезвычайно неоднородных мелких находок дают основание полагать, что хотя трасса котлована, вероятно, была все еще видна до I в. н. э., в это время он использовался лишь как мусорная свалка. Это наблюдение соответствует археологической ситуации, отмеченной для всей территории так называемого предместья, где неизвестны регулярные поселенческие структуры, которые можно было бы датировать временем после середины IV в. до н. э. (cf. Fornasier *et al.*, 2017b. S. 264). Эта территория вновь начинает использоваться городом уже как некрополь только спустя столетия с начала нашей эры.

Фортификационная система V в. до н. э., выявленная недавно в западной части Ольвии, является первой оборонительной системой такого рода, открытой в греческом городе-колонии на северо-западном берегу Понта. До сих пор подобные сооружения известны в основном на варварских поселениях региона. На Боспоре Киммерийском наблюдается иная ситуация. Здесь такие укрепления использовались как в греческих, так и в варварских поселениях. Примером может служить обнаруженная недавно в результате немецко-российских раскопок на поселении Голубицкая 2 на Таманском полуострове система укреплений «вал-ров» в восточной части поселения — ее местонахождение тоже удалось поначалу обнаружить при помощи геофизических методов исследования (Schlotzhauer, Zhuravlev, 2013; 2014; Журавлёв и др., 2019). Археологический контекст свидетельствует о существовании этих укреплений, имевших несколько строительных периодов, с третьей четверти VI до III в. до н. э. Установлено, что здесь, в Голубицкой, ров, достигавший 9,5–11,0 м в ширину и 2,3–2,8 м в глубину, также использовался как мусорная свалка после утраты им своего первоначального назначения (Журавлёв и др., 2019. С. 188).

Значительно более долгий период использования и бóльший размер оборонительной системы поселения Голубицкая 2 по сравнению с ольвийской позволяют предположить, что эти две системы с самого начала были спроектированы по-разному. В то время как укрепления таманского поселения, очевидно, должны были быть постоянными, система «вал-ров» в Ольвии, по-видимому, была рассчитана на непродолжительное время, в течение которого она была востребована. Синхронность выхода из употребления системы «вал-ров» в западной части Ольвии и завершение строительства мощной каменной городской стены вокруг центральной ее части не позднее середины IV в. до н. э. кажется весьма примечательным явлением, которое нельзя объяснить случайным совпадением. Эта ситуация находит параллели в развитии некоторых греческих колоний на юге Италии

в начальный период их существования, где переход от одного типа фортификационных сооружений к другому также происходил в течение относительно короткого промежутка времени (Hüllden, 2018. Р. 99–102). Однако основное различие между укреплениями Ольвии классического времени и теми, которые известны в эпоху архаики в Великой Греции, заключается в хронологии этого процесса, что заслуживает специального объяснения.

Городские границы Ольвии в архаический период: новый научный подход

Предшествующие реконструкции городского ландшафта Ольвии основывались на допущении, что изначально была заселена так называемая центральная часть города, тогда как район к западу от нее не был включен в городскую территорию вплоть до V в. до н. э., и, кроме того, он был ее частью лишь недолгое время. Однако с учетом новых результатов, полученных в рамках немецко-украинского исследовательского проекта, это положение должно быть пересмотрено, так как во время раскопок 2015–2019 гг. на участке так называемого предместья были открыты упомянутые выше поселенческие структуры архаического периода. Эти структуры были сконцентрированы вдоль Западной дороги, тогда как участки, лежавшие дальше от дороги, вероятно, в действительности не были структурированы в границах поселения до V в. до н. э. и с середины столетия были дополнительно включены в границы недавно открытой системы «вал-ров» (Fornasier, 2017b. S. 261). В этой связи следует особо подчеркнуть тот факт, что все известные в настоящее время погребения эпохи архаики располагаются за пределами линии обороны, тогда как захоронения *intra muros* могут быть прослежены лишь с третьей четверти IV в. до н. э. (Ивченко, 2010. С. 20) и, таким образом, появляются лишь после предполагаемого угасания деятельности в так называемой области предместья.

Этот своеобразный феномен сложных территориальных отношений трех основных

частей Ольвии — центральной части города, предместья и некрополя — был отчетливо определен благодаря впечатляющим результатам исследований, проведенных в рамках совместного немецко-украинского проекта. Результаты этих исследований и предложенный научный подход, несомненно, окажут в будущем огромное влияние на реконструкцию истории города. Исследования этой темы продолжаются, скоро их результаты будут введены в научный оборот и станут известны широкой научной общественности. В связи с этим мы сейчас обратимся к вопросу о визуализации границ города VI–V вв. до н. э., ответ на который будет способствовать лучшему пониманию исторического процесса, особенно на протяжении начального этапа греческой колонизации Северного Причерноморья.

Уже в 1980-х гг. Ю. И. Козуб отметила особое расположение архаического некрополя, который, как она полагала, располагался на площади, по очертаниям похожей на полукруг, с севера–северо-востока на запад вокруг нежилой городской зоны (Козуб, 1984. С. 158). Не располагая данными об укреплениях в западной части Ольвии, исследовательница не могла тогда подтвердить свою точку зрения научными данными, и именно поэтому это положение было принято не всеми исследователями (Папанова, 2006. С. 68). Прошло 30 лет, и результаты геомагнитных исследований начинают заполнять этот пробел. Более того, они могут подтвердить замечательное предвидение Ю. И. Козуб, так как выявленное направление системы «вал–ров» предоставляет новый, важный аргумент в исследовательской дискуссии. Однако в этом контексте хронологическое несоответствие между датировками архаического некрополя и фортификационных сооружений, которые были построены только в середине V в. до н. э., поначалу представляет сложность, хотя они отчетливо соотносятся топографически. В конечном счете это может обозначать лишь то, что территория так называемого предместья с самого начала предназначалась для заселения и потому была преднамеренно пропущена —

обстоятельство, которое явственно противоречит нашей прежней идее об урбанистической территории, которая только увеличивалась в размерах с течением времени.

Опять же Ю. И. Козуб еще в 1960-х гг. смогла выявить первые признаки специфической городской планировки, уже существовавшей в архаическое время. Тогда она раскрыла строительный комплекс, находящийся в непосредственной близости от более поздних укреплений и отличавшийся по облику и размерам и другим характеристикам от всех прочих комплексов так называемого предместья. Исследовательница изначально определила его функцию как сакральную (Козуб, 1975. С. 139–163; Марченко, 1982. С. 127; Fornasier et al., 2017. S. 26 f.; Форнасье и др., 2017. С. 33). Постройка, возведенная уже во второй половине VI в. до н. э., постоянно достраивалась, увеличиваясь в размерах, на протяжении всего периода. Она имела общую площадь пола 42 кв. м, была заглублена в землю более чем на 2 м и состояла из четырех помещений, некоторые из которых имели сырцовые стены. Судя по археологическим отчетам, многочисленные находки из этого комплекса были представлены не только обломками терракотовых статуэток, но также большим количеством фрагментов импортной и местной керамики, в том числе принадлежавшими аттическим черно- и краснофигурным чашам и скифосам, рыбным блюдам, чернолаковой посуде с граффити, а также значительным количеством круглых или овальных камней и черепками амфор. В Помещении А на отдельной площади в 6 кв. м был обнаружен холм из золы высотой 1,2 м, содержащий множество костей животных, 20 костей дельфинов и фрагменты глиняных светильников местного производства.

Дальнейшие исследования показали, что этот строительный комплекс мог быть локализован по одной оси с самым ранним известным святилищем Аполлона Иетроса на северной окраине архаического поселения, которое интенсивно исследовалось в 1980-х гг. Однако тогда по поводу этой интересной топографической ситуации не было сделано

никаких конкретных выводов. Когда в результате раскопок под руководством А. В. Буйских (Буйских, 2015. С. 6–21) в начале 2000-х гг. было открыто архаическое святилище Афродиты в южной части города, его весьма примечательное расположение на границах ранней городской зоны также не было принято в расчет при реконструкции урбанистического развития Ольвии в эпоху архаики, хотя еще Платон (Plat. Leg. 778c) писал о практике сакральной защиты городских территорий в античном мире. К этому вопросу ученые обращаются и сегодня, особенно после выхода в свет в 1990-х гг. исследования Ф. де Полиньяка (*de Polignac*, 1995), и эта проблема до сих пор является предметом оживленной дискуссии (см., например, для Метапонта: *Mertens*, 2006. S. 47).

Известные раньше сакральные зоны на севере и юго-востоке и строительный комплекс на северо-западе, который Ю. И. Козуб интерпретировала как ритуальный, в действительности появляются как маркеры границ, которые в сочетании с природными особенностями рельефа Верхнего города ограничивали территорию раннего поселения. К этому можно добавить, что в 2017 г. при помощи магниторазведки на юго-западе были определены границы прямоугольной структуры необычайно больших размеров (приблизительно 10 × 20 м), разительно отличающейся от всех других архитектурных комплексов, известных в настоящее время для так называемого предместья. В связи с проблемой локализации ольвийских архаических сакральных центров и их предполагаемых взаимосвязанных функций как плановых «размежевателей» территории, предназначенной для будущего поселения, этот объект можно рассматривать не только как «отсутствующее звено». Он также является весьма примечательным из-за его близости к возникшей позже системе «вал–ров» (рис. 4).

Раскопки, проведенные в 2018 г., дали первое археологическое свидетельство в пользу этой концепции. В результате удалось открыть северо-восточный угол объекта второй половины VI в. до н. э., заглубленного

в землю более чем на 2 м. Судя по выявленным многочисленным уровням пола, он существовал на протяжении длительного периода времени. Внутри него были выявлены более сложные глинобитные структуры, однако из-за небольшой площади раскопа (5 × 5 м) их назначение пока определить невозможно, для этого необходимы дальнейшие исследования.

Однако уже понятно, что этот объект является одной из самых древних построек к западу от центральной части города и датируется тем же временем, что и предполагаемое святилище, находившееся далее к северу и открытое Ю. И. Козуб. Помимо этого, по своей необычной глубине, которая не была зафиксирована больше ни для одной постройки на всей территории, этот недавно открытый объект близок комплексу, обнаруженному Ю. И. Козуб. Найденный здесь фрагмент кровельной черепицы, покрытый белой краской, находки которой для VI в. до н. э. зафиксированы лишь в уже известных ольвийских святилищах, — черепицы, которая в это время не использовалась ни в частных, ни в общественных домах, — также является важным показателем особой функции этой постройки наряду с количеством и качеством всего спектра находок в целом.

Таким образом, современные исследования позволяют увидеть урбанистическое развитие Ольвии в совершенно новом свете. Появляются все новые и новые свидетельства того, что с самого начала ольвийское поселение застраивалось по специально разработанному плану, в котором зона, которую раньше считали предместьем, очевидно, играла такую же важную роль, как и центр города; обе зоны, в конечном счете, формировали урбанистическую территорию в ее функциональных границах. Если принять это положение, то полукруглая форма архаического некрополя, располагавшегося вокруг современной поселенческой зоны, в целом уже распланированной в VI в. до н. э., но постепенно застраивающейся на протяжении последующих десятилетий, которую так точно определила Ю. И. Козуб, может быть убедительно объяснена.

Агломерации, или скопления, землянок, поначалу имевшие довольно условные границы, окруженные сакральными постройками и охраняемые божествами, с середины V в. до н. э. и далее начинает ограждать *de facto* более земная, пусть и довольно скромная, но тем не менее достаточно надежная система «вал-ров». Она определяла облик западной части города на протяжении почти трех поколений, в то время как далее к востоку в Верхнем городе на многих участках успешно реализовывался огромный строительный проект, в результате которого происходила застройка ранее не использованных площадей на склоне и постепенно осваивался Нижний город. Только начиная с IV в. до н. э., когда центральная часть была защищена мощными каменными укреплениями и зона *intra-muros* вплоть до реки была использована для поселения, система «вал-ров», жилые и хозяйственные постройки на западе были оставлены.

Этот новый исследовательский подход к развитию истории города, несомненно,

нуждается в дополнительных научных аргументах, которые будут получены в будущем, а также в целенаправленном включении в исторический контекст. Однако новые результаты, полученные в ходе реализации совместного немецко-украинского научного проекта в 2014–2019 гг., уже показали, что существующие ранее представления о генезисе и урбанистической структуре позднеархаической и классической Ольвии должны быть пересмотрены. Условия существования милетской колонии на берегах Буга, которая не была застроена в послеантичное время, предоставляют чрезвычайно благоприятные возможности для археологических исследований, позволяющих проникать непосредственно в исторический процесс колонизации северного побережья Чёрного моря. В идеальном варианте Ольвия могла бы даже стать образцом для изучения урбанистического развития греческого города-колонии — и не только для Северного Причерноморья.

Буйских, 2013 — Буйских А. В. О греческой колонизации северо-западного Причерноморья (Новая модель?) // ВДИ. М.: Наука, 2013. № 1. С. 21–39.

Буйских, 2015 — Буйских А. В. Южный Теменос Ольвии Понтийской (Предварительные итоги изучения) // ВДИ. М.: Наука, 2015. № 2. С. 6–21.

Буйских и др., 2016 — Буйских А. В., Форнасье Й., Кузьмищев А. Г. Предмесье Ольвии в свете новых украинско-германских исследований // ЗИИМК РАН. СПб., 2016. № 14. С. 46–57.

Буйских и др., 2019 — Буйских А., Форнасье Й., Кузьмищев О. Дослідження ольвійського передмістя // Археологічні дослідження в Україні 2017. Київ: Інститут археології НАНУ, 2019. С. 152–154.

Буйских и др., в печати — Буйских А., Форнасье Й., Кузьмищев О. Дослідження ольвійського передмістя у 2019 році. В печати.

Виноградов, 2000а — Виноградов Ю. А. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // SYSSITIA.

Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетей, 2000. С. 227–232.

Виноградов, 2000б — Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский: основные этапы истории в до-римскую эпоху // Таманская старина 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 26–29.

Ивченко, 2010 — Ивченко А. В. Отчет о раскопках некрополя Ольвии в 2009 г. Киев, 2010 // Научный архив Института археологии НАНУ. Д. 2009/59.

Козуб, 1975 — Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия / Ред. С. Д. Крыжицкий и др. Киев: Наукова думка, 1975. С. 139–163.

Козуб, 1979а — Козуб Ю. И. Предмесье Ольвии // Проблемы античной истории и культуры II. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1979. С. 316–325.

Козуб, 1979б — Козуб Ю. И. Передмістя Ольвії // Археологія. Київ: Інститут археології НАНУ, 1979. Вып. 29. С. 3–34.

Козуб, 1984 — Козуб Ю. И. Историческая топография некрополя Ольвии // Античная

- культура Северного Причерноморья: Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1984. С. 156–173.
- Крыжицкий, 1979 — Крыжицкий С. Д. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // Проблемы греческой колонизации северного и западного Причерноморья: Материалы Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 119–124.
- Крыжицкий, 1986 — Крыжицкий С. Д. Ольвия // Археология Украинской ССР. Т. 2: Скифосарматская и античная археология / Гл. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1986. С. 304–310.
- Крыжицкий и др., 1999 — Крыжицкий С. Д., Русаева А. С., Крапивина В. В., Лейтунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. 478 с.
- Марченко, 1982 — Марченко К. К. К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. М.: Наука, 1982. № 3. С. 126–136.
- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды, 2003. 350 с.
- Папанова, 2006 — Папанова В. А. Урочище сто могил. Некрополь Ольвии Понтийской. Киев: Знання України, 2006. 278 с.
- Форнасье и др., 2017 — Форнасье Й., Буйских А. В., Кузьмищев А. Г. Новые данные об ольвийском предместье // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижницького). Київ: Стародавній світ, 2017. С. 33–44.
- Журавлёв и др., 2019 — Журавлёв Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У. Оборонительный ров поселения Голубицкая 2 // XX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2019. С. 183–191.
- Bîrzescu, 2012 — Bîrzescu Iu. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 2012. 356 s. (Histria. Vol. XV).
- Bujskikh, 2017 — Bujskikh A. From Dugouts to Houses: Urban Development in Late Archaic Olbia Pontica // Caiete A.R.A. Bucureşti: Arhitectură. Restaurare. Arheologie. 2017. No. 8. P. 5–15.
- Fornasier, 2016 — Fornasier J. Die griechische Kolonisation im nördlichen Schwarzmeerraum vom 7. bis 5. Jahrhundert v. Chr. Archäologie in Eurasien. Bd. 32. Bonn: Habelt-Verlag, 2016. 216 S.
- Fornasier et al., 2017a — Fornasier J., Bujskikh A. V., Kuźmiśhev A. G., Patzelt A., Helfert M., Kratzsch N., Vor den Toren der Stadt. Deutsch-ukrainische Forschungen in der Vorstadt von Olbia Pontike // Archäologischer Anzeiger. Tübingen; Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 2017. Bd. 1. S. 19–61.
- Fornasier et al., 2017b — Fornasier J., Bujskikh A. V., Kuźmiśhev A. G. Ein Stadtbild im Wandel. Neue Ergebnisse eines deutsch-ukrainischen Forschungsprojektes aus der griechischen Kolonie Olbia Pontike // Das Altertum. Oldenburg: Isensee-Verlag, 2017. Bd. 62. S. 214–270.
- Fornasier et al., 2018 — Fornasier J., Bujskikh A. V., Kuźmiśhev A. G. Neues aus der Vorstadt. Aktuelle Forschungsergebnisse aus der griechischen Schwarzmeerkolonie Olbia Pontike // Antike Welt. Darmstadt: von Zabern/Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2018. No. 2. S. 75–83.
- v. Gerkan, 1940 — von Gerkan A. Der Tempel von Didyma und sein antikes Baumaß // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1940. Bd. 32. S. 127–150.
- Hüllden, 2018 — Hüllden O. Greek Fortifications before the Persian Wars. An Overview // Ed. A. Ballmer. Understanding Ancient Fortifications. Between Regionality and Connectivity. Oxford, Philadelphia: Oxbow Books, 2018. 180 p.
- Mertens, 2006 — Mertens D. Städte und Bauten der Westgriechen. Von der Kolonisationszeit bis zur Krise um 400 vor Christus. München: Hirmer Verlag, 2006. 463 S.

- Patzelt et al.*, 2016 — *Patzelt A., Fornasier J., Buyskikh A., Ivchenko A., Kuzmischev A.* Geomagnetic prospections in the suburb of Olbia Pontike — an ancient Greek Colony in the northern Black Sea area, Ukraine // *ISAPNews*, 2016. 45. P. 3–6.
- de Polignac*, 1995 — *de Polignac F.* Cults, Territory, and the origins of the Greek City-State. London; Chicago: The University of Chicago Press, 1995. 187 p.
- Schlotzhauer, Zhuravlev*, 2013 — *Schlotzhauer U., Zhuravlev D. V.* Forschungen in der antiken Siedlung “Golubickaja-2” auf der südrussischen Taman'-Halbinsel. Archäologie—Geoarchäologie—Historische Interpretation // *Eurasia Antiqua*. Bonn: Rudolf Habelt, 2013. Bd. 19. S. 105–125.
- Schlotzhauer, Zhuravlev*, 2014 — *Schlotzhauer U., Zhuravlev D. V.* Greek Colonization in the Cimmerian Bosphorus: Russian-German interdisciplinary Investigations in Southern Russia // Ed. A. Twardecki, Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus: Proceedings of the International Conference, Warsaw, 27–28 November 2013. Warsaw: The National Museum in Warsaw, 2014. P. 203–219.
- Vinogradov, Kryžickij*, 1995 — *Vinogradov Ju. G., Kryžickij S. D.* Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum. *Mnemosyne Suppl.* vol. 149. Leiden: Brill, 1995. 168 S.
- Vinogradov et al.*, 2003 — *Vinogradov Y. A., Butyagin A. M., Vakhtina M. Y.* Myrmekion — Porthmeus. Two “small” towns of Ancient Bosphorus // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea*. Vol. 2 / Eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos. Thessaloniki: Archaeological Institute of Northern Greece, 2003. P. 803–840.
- de Zwarte*, 1994 — *de Zwarte R.* Der ionische Fuß und das Verhältnis der römischen, ionischen und attischen Fußmaße zueinander // *BaBesch*. Leiden: Babesch Foundation, 1994. 69. S. 115–143.

On the question of the city boundary of Olbia Pontike in Archaic times

J. Fornasier, A. V. Buyskykh, A. G. Kuz'mishchev

Based on the current results of a German-Ukrainian cooperation project, which has been working in Olbia Pontike since 2014, our knowledge about the urban genesis in the Archaic and Classical period fundamentally changed. The previous reconstructions of the Olbian townscape were based on the assumption that the so-called central city area was settled first, while the area to the west was not incorporated in the settlement territory until the 5th century BC and when so, only for a short time. In contrast, our new results indicate that from the very beginning an intentional design was applied to the settlement of Olbia, in which the area previously interpreted as a suburb obviously played just as important a role as the central city, both of which ultimately functionally form an urban space. Dugouts agglomerations of the Archaic time (Fig. 1), at first rather metaphorically bordered and God-guarded by sacral facilities (Fig. 4), then from the middle of the 5th century BC onwards more profanely and *de facto* shielded by a wall-ditch system determined the cityscape in the west of Olbia for almost three generations. This spectacular localization of a hitherto unknown fortification system, which is not visible above ground and which therefore was unknown for a long time, was only possible due to an extensive geomagnetic prospection in 2014 and 2017 in the west of Olbia. It could be revealed the remains of a wall-ditch system running over a total length of more than 480 m, which despite some interruptions allow a complete reconstruction of the original fortification line (Fig. 2). The archaeological evidence confirm a ditch with an average width of 5 m and a depth of 2,10 m from the ancient level (Fig. 3) with a wall up to 4 m wide to the east, the extent of which can be determined in the planum and via the profile. Only in the period from the 4th century BC onwards, when the central area was enclosed by a massive stone fortification and the area *intra-muros* up to the river was used for settlement, the wall-ditch system and the residential and commercial buildings in the west were abandoned.